

Литературная газета

№ 25 (516)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Воскресенье, 5 мая 1935 г.

Фото Ф. Кишова (Союзфото)



Л. Сталин, Молотов, Каганович, Каганович, Орджоникидзе, Шеринин, Дмитриев, Уханов, Ярославский на трибуне мавзолея 1 мая.

Большевистская печать

Ежегодно в день 5 мая советская страна производит смотр большевистской печати. Советская печать — это самое острое, самое сильное оружие нашей партии (И. Сталин). В борьбе за построение социалистического общества наша печать занимает одно из виднейших мест. Победы и достижения нашей страны являются в то же время победами и достижениями нашей печати.

Печать советской страны по-боевому, по-большевистски руководит нашими художниками слова. Особенно большую работу в этом направлении провела «Правда» — центральный орган нашей партии, привлекая и воспитывающая основные кадры наших писателей и дающая большевистские образцы методов воспитательной работы с писателями и критиками.

Большевистская печать создала и воспитала большое количество писателей и поэтов, известных далеко за пределами Советского союза. Первые пролетарские писатели и поэты, как Демьян Бедный, как пролеткультовцы и «кузнецки», выявлены были по сути дела как поэты «Звезды» и «Правды». В годы гражданской войны, в эпоху первой и второй пятилеток выросли поэты боевой публицистической и гражданской поэзии в большевистских газетах. Они призывали массы стихами, острыми эпиграммами, сатирическими фельетонами на борьбу за выполнение производственных планов, бичевали лодырей, расхитителей общественной собственности, кулаков и подкулачников.

История советской литературы и большевистской печати показывает, что участие поэта, писателя, художника, литературоведа в повседневной работе газеты поднимает не только общеполитический, идейный уровень, но оттачивает мастерство, делает оперативней, живей, конкретней, доступней для многомиллионных масс творчество поэта и писателя.

Фабрично-заводская, колхозно-совхозная, районная и областная печать организует литературные номера, литературные полосы в своих газетах. Молодые авторы пробуются в литературе через местную общеполитическую печать. Мы имеем теперь десятки фабрично-заводских, колхозно-совхозных литературных газет. В них мы находим отражение тех процессов, которые происходят в гуще садовой жизни. В газетах выявляются талантливые писатели и поэты. Но до сих пор мы еще не сумели полностью организовать помощь и творческое руководство этим га-

зетами и воспитанием начинающих писателей. Наши литературные газеты и журналы недостаточное внимание уделяют воспитанию молодых писателей. Слова т. Сталина «надо беречь каждого способного и покачивающего работника, беречь и вырабатывать его» имеют непосредственное отношение и к литературе. Роль литературной печати в выполнении этой директивы т. Сталина велика. Однако мы не провели еще полностью этот лозунг в жизнь, в повседневную практику нашей работы.

Еще недостаточно высока большевистская непримиримость и партийная бдительность литературной печати. «Правда» своевременно указала на целый ряд явлений, свидетельствующих о недостаточной классово-бдительности редакционных работников литературных газет и журналов. Наша литературная печать недостаточно оперативна. Нас часто обгоняет общеполитическая печать. Здесь мы должны принять все меры к тому, чтобы избежать такого положения.

За истекший год издательства художественной литературы и толстые литературно-художественные журналы перестроили свою работу. Произшло укрупнение литературно-художественных издательств. В этом году издательства работали значительно лучше, нежели раньше. Были увеличены тиражи основных литературных произведений, которые с такой силой и настойчивостью требуют выростить многомиллионный читатель нашей страны. Улучшилось качество художественных произведений. Мы еще лучше и изящнее стали оформлять книгу.

Однако в этой области нам предстоит еще многое сделать. Необходимо повысить качество редактуры художественного произведения, добиться более кратких сроков производственного процесса, превращающего рукопись в книгу.

Сегодня мы печатаем материалы о работе литературно-художественных журналов. В несвоевременности выхода в свет толстых журналов повинны и издательства, и типографии, и редакции журналов, и авторы. Мы должны ликвидировать это позорное явление.

Сегодня, в день печати, просматривая ряды армии работников литературной печати, мы призываем всех товарищей по-большевистски бороться за выполнение задач, которые ставят перед нами партия и правительство.

СЕГОДНЯ ОПУБЛИКОВАН ДЕКРЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР О ВЫПУСКЕ ЗАЙМА ТРЕТЬЕГО ГОДА ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

СООБЩЕНИЕ ТАСС

2 мая, в 20 ч. 30 мин., в Париже поппредом СССР т. Потемкиным и министром иностранных дел Франции г. Лавалем подписан пакт взаимной помощи между Францией и СССР.

Г. Лаваль прибудет в Москву 13 мая.

(ТАСС)

ПЕРВОМАИ ПО РАДИО

Ежегодно первомайский праздник в Москве реферруется по радио. Это стало обычаем.

В первомайской передаче этого года принял участие ряд крупных московских писателей и журналистов. В основном ядро писателей, участвующих в праздничной передаче (Третьяков, Сурков, Агапов, Кирсанов, Гусев) включилась писательница Вера Инбер.

С большой живостью, красочностью и художественной выразительностью рассказали писатели широкой массам Советского союза и трудящимся всего мира о всем, что происходило 1 мая в пролетарской столице.

Как всегда, композиция передачи была заранее тщательно разработана. План первомайской передачи по радио текущего года составил писатель С. Третьяков и редакция «Последних известий по радио».

Откуда говорили писатели? С. Третьяков, В. Инбер, С. Кирсанов и очеркист Диниковский передавали свои впечатления с Красной площади; Б. Агапов — с крыши

новой гостиницы Моссовет; очеркист Трегубов — из клуба Трехгорки; поэт В. Гусев, двигаясь вместе с колонной жетровцев, говорил со станции метро.

Первой в Москве был описан полет над Москвой самолета им. Сталина — М. Гольдберг, со станции Голутвино М. Кисляк, ж. д. — журналист Кронгауз, из Калуги — заслуженный деятель науки т. Циолковский.

Интернациональный характер праздника был подчеркнут выступлениями по радио иностранных рабочих. Передача началась в 8 ч. 30 м. утра описанием общей картины Москвы с высоты 14-го этажа гостиницы Моссовета и закончилась в 3 ч. 30 м. дня.

Фото Н. Вихирева



Первомайская демонстрация в Москве

З а е м Третьего года

Постановлением правительства Союза ССР выпускается новый заем — «Третьего года второй пятилетки». Советская страна строит социализм «без набальных кредитов и займов извне» (Сталин). В этом — одно из ярчайших доказательств исторического преимущества системы социалистического планового хозяйства перед прогнившим насильно строем капиталистической частной собственности.

Буржуазные государства безнадежно завали в непроходимом болоте взаимных долгов, обязательств, платежей и претензий, до основания расшатанных кредитно-денежных механизмов капиталистической экономики. Советский союз — единственная в мире страна, где непрерывный рост индустрии, подъем сельского хозяйства на колхозной основе, быстрое улучшение материального благосостояния трудящихся масс питаются могучими соками социалистического накопления, расцветом внутренних производительных сил страны, вызванных к жизни великим Октябрем, волею большевистской партии, гением Ленина и Сталина.

Мы построили Днепротранс, Магнитогорский и Кузнецкий гиганты металлургии, Краматорский и Уральский заводы машиностроения, Сталинградский, Харьковский и Челябинский автозаводы, мы провели Балтийско-Беломорский канал и создали лучший в мире метрополитен в Москве за счет собственных материальных ресурсов нашей великой страны, и укрепления ее финансовой мощи, за счет небывалого в истории человечества трудового энтузиазма миллионов масс.

Около 40 миллиардов рублей вложено за последние четыре года только в промышленное строительство. В финансировании всего, созданного первой пятилеткой, советская страна вложила 120 миллиардов рублей. Осуществление гигантского плана работ второй пятилетки потребует 400 миллиардов рублей — тановых масштабы нашего социалистического накопления и наших социалистических вложений в народное хозяйство. Эти цифры — непреодолимое доказательство исторической правды генеральной линии нашей партии, разгромившей под водительством великого Сталина последний оплот капитализма — кулачество, прелесть и «левых» оппортунистов и белогвардейское троцкистско-живописное хвостовство.

В этих огромных вложениях, направляемых на финансирование социалистического строительства, значительную роль играют внутренние государственные займы. Восемь миллионов займов, выпущенных с 1927 г. для государства около 13 млрд. рублей в фонд социалистической стройки. Это означает, что каждый четвертый завод, построенный в годы первой пятилетки, был построен за счет средств и спонсированных самих трудящихся, предоставленных взаимному государственному. Программы капитальных работ третьего года второй пятилетки утверждена в сумме свыше 21 млрд. рублей, — это значит, что сумма нового займа,

3.500 млн. руб., дает около 14 проц. общих годовых капитальных вложений.

Все наши советские внутренние займы пользовались огромной популярностью и неизменной поддержкой широчайших масс. Около 50 млн. рабочих, колхозников, инженеров, учащихся, деятелей искусства имеют на руках последний заем второй пятилетки.

В чем причина успеха наших займов, в чем основа этого небывалого в истории массового участия трудящегося населения в строительстве народного хозяйства огромной страны?

Успех наших займов — это свидетельство огромного роста СОЗНАТЕЛЬНОСТИ МАСС, их кровной заинтересованности в победе социалистического строя, их величайшего доверия и преданности делу советам, делу партии Ленина и Сталина.

Успех наших займов — свидетельство растущего из года в год БЛАГОСОСТОЯНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ, расцвета жилищной и культурной жизни в нашей стране, благодаря чему трудящиеся имеют возможность и готовы помогать своему государству в финансировании социалистического строительства и укреплении обороноспособности страны.

Наконец, успех наших займов — это доказательство финансовой мощи советского государства; наши советские займы не подвержены колебаниям капиталистической конъюнктуры, они рентабельны, они гарантируют всякому трудящемуся полный возврат в указанные сроки. Нет сомнения, что новый заем будет встречен с энтузиазмом миллионами трудящихся. Финансирование огромных созидательных работ третьего года этой пятилетки в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, просвещения, здравоохранения, науки и искусства каждый трудящийся поддержит своим участием в займе.

Мы убеждены, что литературная общественность Советского союза, советские писатели, поэты, критики, работники издательств, литературных газет и журналов окажутся, как и в прежние годы, в первых рядах вместе с рабочими передовых заводов и ударниками лучших колхозов страны.

Ни одного работника советской литературы без облигаций займа «3-го года 2-й пятилетки». Дружной подпиской продемонстрируем нашу преданность делу социалистического строительства, нашу готовность и защиту СССР — ответственность за будущее всего мира.

ПЕЧАТЬ—ЭТО САМОЕ ОСТРОЕ И САМОЕ СИЛЬНОЕ ОРУДИЕ НАШЕЙ ПАРТИИ

(И. Сталин)

ТРЕБОВАНИЯ КОЛХОЗНИКОВ

«Бывает минуты, когда я только подаю духом. Для кого и для чего я пишу? Для публики? Но я ее не вижу и в нее верю меньше, чем в домового: она необразована, душно воспитана, а ее лучшие элементы недобросовестны и неискренни по отношению к нам. Нужен в этой публике или не нужен, понять я не могу» — писал Чехов в 1889 г. Большой писатель тоскует: нет у него настоящего читателя. Отдавать кровь свою, мочь свой, свои книги на суд «необразованного, душно воспитанного» обывателя — это ли не трагедия для писателя. И не один только Чехов страдал от одиночества, от непонимания, от отсутствия живого, кровно заинтересованного читателя. Ромэн Роллан говорит о своем герое Кристофе: «В минуты жажды больших страстей ему случалось оглядываться вокруг и спрашивать, для кого же он пишет. И тут он видел жалкую казенную современную публику, эту утомленную, эту дегенерирующую буржуазия и ему думалось: «Каково смейся работать для этой публики... Кристоф искал настоящей публики, той, что верит художественным переживаниям как переживаниям жизни...»

Как должен быть счастливым наш советский писатель, у которого читатель многомиллионная масса рабочих и крестьян. И как этот читатель за последние годы вырос! Наверное, он является у нас в Союзе писатель, который был бы равнодушен к высказываниям читателя, который не считался бы с теми требованиями, какие предъявляет литературе массовый читатель. К сожалению, до сих пор критика не изучила читательских высказываний. А вместе с тем очень интересно выявить, какие требования предъявляет массовый читатель к литературе.

Вопросы переустройства деревни во всей их предельной конкретности, во всей их мелочной повседневности упорно и горячо волнуют каждого колхозника. Колхозный читатель ищет помощи в книге, которой придает величайшее общественно-воспитательное значение. «Нужно бы больше давать места произведению и сегодняшнему, о героике социалистического строительства, о перерождении крестьянина из отсталого, забитого в социальном отношении человека, в сознательного строителя новой жизни» (В. Голованенко — М. Пятнадцатый 31 октября 1934 г. — письмо в журнал «Колхозник»).

«Конечно, большая потребность в книгах о нашей крестьянской жизни. Я думаю надо писать и о нашем будущем, например, что будет в колхозах лет через 5-6. Ведь как бы это прибавило асару в работе» (Слово Ахромкина, секретаря партийной ячейки Невановского колхоза Корабля МТС).

В целом ряде высказываний и писем колхозный читатель настойчиво требует от литературы, от писателя изображения внятных людей колхозной деревни, быта, молодежи, новых семейных отношений, показа образованного колхозного хозяйства.

Надоело колхозному читателю литературу, отражающую «идеальную деревенскую жизнь», «в книжках очень много и подробно о нашей дружбе и бедности пишут, а как мы на новую жизнь вышли—об этом скучно очень рассказывают», говорят колхозники Шалякина; слово Неретина, Корабля МТС.

В передовом колхознике все более и более развивается и крепнет чувство интернационализма, сознание своей связи с трудящимися всего мира. Наблюдается большая тяга к произведениям в жизни крестьян и рабочих в капиталистических странах. Вырос интерес к книгам о путешествиях в «далекие страны».

«...А особенно колхозники проявляют свою любовь к тому, как живут и работают зарубежные крестьяне. Взяв хотя бы «Крестьянскую газету», где помещены отрывки из дневника предводителя сельхозотряда Ли Ян-Сек «Освобожденная земля». Я знаю, что в некоторых колхозах нашей местности эта газета читалась буквально до того, пока на ней не показались дыры» (Курок, обл. Ал.; письмо в жур. «Колхозник»).

Революционная героика, жизнеопи-сание великих людей, перестраивавшего мир, привлекают к себе пристальное внимание колхозников. В этих биографиях они как бы хотят видеть для себя примеры, получить руководство для своей повседневной общественной практики.

«...Надо бы живописно и замлекательно описать биографии Ленина, Сталина, Карла Маркса и других великих людей, чтобы мы видели, как они боролись, через какие трудности проходили, не унывая и не падая духом» — говорит колхозник комсомолец Майоров (Незнамовский колхоз, Корабля МТС).

А население бюро комсомольской ячейки села Неванова приносит конкретные предложения нашим писателям:

1. Чтобы писали о путешествиях, о далеких странах и, конечно, о Канаде.
2. Чтобы художественно описали все наши научные экспедиции.
3. Чтобы писали книги о жизни великих людей всего мира.
4. Чтобы писали живописно и замлекательно.

Колхозный читатель хочет узнать, как жили люди в «далекие времена», отсюда повышенный интерес к классической литературе. «Книжку Лермонтова «Герой нашего времени» очень интересно было читать, очень любопытно было узнать о кавказской жизни, о дворянском герое Печорине, о горской девушке Валье. Ведь все это совсем новое, неизвестное мне, а написано так замлекательно».



СВОБОДА ПЕЧАТИ — ПРОЛЕТАРИ АТУ
О. Домье. «Печатики — на страже свободы печати».

только, что кажется будто все сам видел, ведь сам побывал» (Слова тракториста Кокарева, Корабля МТС). «Когда читаешь «Капитанскую дочку» и «Дубровского» — все просто и в то же время интересно. Хотя и далекие от нас времена изображены, а все же очень живописно, любовно прописано, особенно любовно читатель» (Слова тракториста Ключкова, Корабля МТС).

«Надо знать прошлое, чтобы любить настоящее... Нужно печатать отрывки из лучших представителей старой классической литературы. В частности, колхозному читателю нужно рассказывать о таком великом поэте, как Александр Сергеевич Пушкин. У него есть прекрасное стихотворение «Деревня», из которого выдана действительность старой помещичьей деревни» (колхозник И. Кривчик; п. о. Толмачево, колхоз «Толмачевец», письмо в журнал «Колхозник»).

Следует особо отметить желание найти книгу, которая бы показала новую женщину, борющуюся за социализм наравне с мужчиной, работающую на строительстве, добившуюся полной независимости от мужчин. «Я в эту зиму с особым удовольствием читала Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятую пеллину», а также «Анну Каренину». Мне кажется, что наши писатели для примера другим должны показать передовую женщину, чтобы помочь нам, женщинам, бороться за новую жизнь, чтобы меньше было отсталых среди нашего братства» (Слова колхозницы Клавдии Харитоновой, Корабля МТС).

«Любовные книги, где только об одной любви и говорится (ну, как там встречались, как он ее добивался, а потом она его переменяла) — вот, если вместе с любовью о женской доле говорится, о том, как женщина всего достигла сама, а ее спичала не признавали, и как она горевала да страдала—тогда очень интересно читать» (Слова колхозницы Елены Тужиковой, Корабля МТС).

Таковы в самых общих чертах требования читателя. Это разнообразное и интересное чтение — следствие интенсивного культурного роста самого колхозника.

Но не только глубокого содержания требует читатель от художественной литературы. Он хочет получать живую, востребованную книгу, написанную простым, чистым, понятным языком.

«Нам книга понравилась тем, что человека совхоза, под заглавием: «Звездочка»: «Вступая в бой с соринками, решила я их всех побить, Их миллионы, У нас ударник, там паразит».

«В третьем номере клубный работник и любитель совхозной публики Зотов печатает свои частушки и «Марш весны ударной» (поется на мотив «Летчиков»):

«Прошел уж год, Концессию забыли, Мы будем дружно сеять и пахать, Политотделу слово крепко дали, Весну вторую темпов не снижать, Прилеп

Все ближе, и ближе, и ближе И зажиточной жизни идем, Совхоз наш ударно добьет Мы смело и победою приддем» и т. д.

Злободневные частушки Зотова, «Марш весны ударной» и «Марш ударников» Крылова заучиваются всеми хоромными кружками совхоза.

Еще не кончился сев, а в четвертом номере уже появляется «Марш комбайнеров-трактористов» Пелана:

«Звенили носы, Острые носы, Стебли высокие жмте. На земь ушли, взошли росы, Солнце сияет в зените. Иные вгляд, вперед трактора, Под песни ударных моторов, Эй, веди на даром на наши поля Вышел отряд комбайнеров» и т. д.

Несмотря на молодость авторов и самую газету, она уже имеет свое лицо. Она и является этой книгой «О героике совхозных полей», о которой каждый из членов литкружка мечтает втихомолку. Печатание в ней произведения неодолимо. Очерки впадут слишком многословны и не обработаны, стихи часто примитивны. Но и те и другие проникнуты любовью к окружающей жизни, лю-

бью к герою труда, которые эту жизнь создают.

Даже в номере, посвященном годовщине Красной армии, литкружки войны не ищут герою гражданской войны по архивам и книгам. Они находят их рядом, около себя, в мастерской, на тракторе, в поле, в садоводческой охране. Думал ли когда-нибудь старый партизан Иван Малев (теперь ночной сторож совхоза), что про него напечатает большой рассказ: «Боевые дни партизана Малева», где так складно сказано про его давнишние героические дела?

Но это вовсе не значит, что тематика авторов ограничивается совхозом. Все события советской жизни находят свой отклик в газете. Стих Алексея «Камчатка»:

«Уплывавоу хребты, Заливы, лагуны, Пургой и туманом Закрыты. Вправо, влево птица стальная Мечется, ищет кого-то и т. д.

Палана «Ротфронт» написан в защиту Тельмана:

«Миллионы рук с волевым бытом тревогу, Все пролетарии на клич, На боевой, Спавнув войды, иду шагая в ногу, Спавнув войды от казни революционной».

В четвертом номере помещена вещь Горького на пленуме писателей. В том же номере мы находим необычную статью, против враждебной культуры. Статья, под которой подписались пять авторов, кончается словами:

«Слажем открыто и прямо. Притчем адез в частушках «Сог и «Смат». Воспитать нас можно и без «богатства», нужно только подлнать качество продукции».

«Такой «культуры» нам не нужно. Возврата к старому не может быть. Мы лотим ударно работать, а-

луж, тут можно сомневаться в действительности» и пр., и пр.

Настойчиво требует читатель композиционной четкости, завершенности. Даже «Поднятой пеллине» — одной из самых любимых и читаемых книг предъявлен упрек, «что нет в ней действия от начала до конца».

Интересно высказывание тракториста Пехленкова (Корабль МТС): «Мне надо, чтобы книга на первом действовала, чтобы сердце от нее в дрожь бросало... Вот в «Тупине» Келлермана говорится о строительстве, и сколько здесь приключений, неожиданностей, замлекательных историй. И как про любовь хорошо сказано! Самаа, что ни на есть настоящая любовь».

Встречаются такие заявления: «Желательно показывать героя в каком-либо романе, за которым интересно следить».

Тракторист Фералитов (Корабль МТС) говорит: «Когда-то давно прочел книгу (название не помню), там рассказывается о бедном офицере, который перешел на сторону красных, об организации партизанского отряда; помню, что когда читал, сердце замерло, так бесконечно о судьбе героев, все хотелось узнать, что же с ними будет дальше».

Глубина содержания, типичность характеров, яркость образов, простота и доступность изложения, взаимность — вот основные требования, предъявляемые колхозным читателем к художественной литературе.

Б. БРАЙНИНА.



Издательство художественной литературы в СССР (в млн. печатных листов-оттисков). (По данным Государственной центральной книжной палаты)

Мы любим петь

«О небо, о солнце, о теплых лучах, Об урожае обильном социалистическим пашням.

О звониточной, радостной жизни нашей, О героях великих и славных побед Мы любим петь».

Так начинается стихотворение молодого поэта Пелана, напечатанное в 4-м номере «Литературной газеты» совхоза «Кубань».

И поэт Пелан, и «Литературная газета», и сам совхоз «Кубань» очень молоды.

В декабре 1934 года совхоз «Кубань» праздновал свою первую годовщину. В продолжение семи лет здесь была немецкая концессия «Друзья». Она ликвидировалась год тому назад. Молодому совхозу пришлось начинать свое хозяйство от капитального ремонта тракторов и капитальной переделки людей. После концессии осталось много чужих элементов: началась вредительская явная и скрытая, потом пришла засуха.

На всех этих трудностях молодой совхоз вышел победителем. И в первую свою годовщину, кроме трехсот двести тысяч пудов высокоурожайного семенного зерна, принес государству четыреста ударников, двадцать пять вятных людей и образцовое поставленное хозяйство. В феврале он получил всеобщее звание.

Не удивительно, что каждому из членов совхозного литкружка (из было всего всего четыре человека) маршировал в те дни толстая книга «О героике совхозных полей».

Первый номер «Литературной газеты» совхоза «Кубань» печатался в Крайотделе в районной типографии и вызвал большой интерес среди работников типографии. Это была первая «литературная» газета в районе.

Вступительным словом говорилось: «Литературная газета», издание которой политотдел начинает нынешним номером, имеет целью оплотить вокруг себя молодые силы нашего совхоза, помочь им воспитаться из них настоящих писателей».

Так неожиданно совхоз «Кубань» получил первоначальную «Литературную газету». Первый номер ее был встречен с радостью и с некоторым недоумением. Большого формата, на четырех страницах, газета передавалась в мастерских из рук в руки.

Больше всего нравилось рабочим, что эти стихи и рассказы про них, про «ихнюю» жизнь.

Многие сомневались, сумеет ли литкружок надвовать свою газету как-либо месить?

«Не успел сочинить. Теперь же мы писем!»

Но и ремонт тракторов, оконченный в феврале на 100 проц, не сов, проведенный в четыре дня, не помешал молодым авторам издавать в срок свою газету.

В апреле вышел четвертый номер, пятый намечается к 1 мая, шестой — ко Дню печати. Число литкружков растет с каждым номером. Уже во втором номере появились стихи Маруси Исковой, восемнадцатилетней азербайджанской, заглавного

человека совхоза, под заглавием: «Звездочка»: «Вступая в бой с соринками, решила я их всех побить, Их миллионы, У нас ударник, там паразит».

«В третьем номере клубный работник и любитель совхозной публики Зотов печатает свои частушки и «Марш весны ударной» (поется на мотив «Летчиков»):

«Прошел уж год, Концессию забыли, Мы будем дружно сеять и пахать, Политотделу слово крепко дали, Весну вторую темпов не снижать, Прилеп

Все ближе, и ближе, и ближе И зажиточной жизни идем, Совхоз наш ударно добьет Мы смело и победою приддем» и т. д.

Злободневные частушки Зотова, «Марш весны ударной» и «Марш ударников» Крылова заучиваются всеми хоромными кружками совхоза.

Еще не кончился сев, а в четвертом номере уже появляется «Марш комбайнеров-трактористов» Пелана:

«Звенили носы, Острые носы, Стебли высокие жмте. На земь ушли, взошли росы, Солнце сияет в зените. Иные вгляд, вперед трактора, Под песни ударных моторов, Эй, веди на даром на наши поля Вышел отряд комбайнеров» и т. д.

Несмотря на молодость авторов и самую газету, она уже имеет свое лицо. Она и является этой книгой «О героике совхозных полей», о которой каждый из членов литкружка мечтает втихомолку. Печатание в ней произведения неодолимо. Очерки впадут слишком многословны и не обработаны, стихи часто примитивны. Но и те и другие проникнуты любовью к окружающей жизни, лю-

бью к герою труда, которые эту жизнь создают.

Даже в номере, посвященном годовщине Красной армии, литкружки войны не ищут герою гражданской войны по архивам и книгам. Они находят их рядом, около себя, в мастерской, на тракторе, в поле, в садоводческой охране. Думал ли когда-нибудь старый партизан Иван Малев (теперь ночной сторож совхоза), что про него напечатает большой рассказ: «Боевые дни партизана Малева», где так складно сказано про его давнишние героические дела?

Но это вовсе не значит, что тематика авторов ограничивается совхозом. Все события советской жизни находят свой отклик в газете. Стих Алексея «Камчатка»:

«Уплывавоу хребты, Заливы, лагуны, Пургой и туманом Закрыты. Вправо, влево птица стальная Мечется, ищет кого-то и т. д.

Палана «Ротфронт» написан в защиту Тельмана:

«Миллионы рук с волевым бытом тревогу, Все пролетарии на клич, На боевой, Спавнув войды, иду шагая в ногу, Спавнув войды от казни революционной».

В четвертом номере помещена вещь Горького на пленуме писателей. В том же номере мы находим необычную статью, против враждебной культуры. Статья, под которой подписались пять авторов, кончается словами:

«Слажем открыто и прямо. Притчем адез в частушках «Сог и «Смат». Воспитать нас можно и без «богатства», нужно только подлнать качество продукции».

«Такой «культуры» нам не нужно. Возврата к старому не может быть. Мы лотим ударно работать, а-

луж, тут можно сомневаться в действительности» и пр., и пр.

Настойчиво требует читатель композиционной четкости, завершенности. Даже «Поднятой пеллине» — одной из самых любимых и читаемых книг предъявлен упрек, «что нет в ней действия от начала до конца».

Интересно высказывание тракториста Пехленкова (Корабль МТС): «Мне надо, чтобы книга на первом действовала, чтобы сердце от нее в дрожь бросало... Вот в «Тупине» Келлермана говорится о строительстве, и сколько здесь приключений, неожиданностей, замлекательных историй. И как про любовь хорошо сказано! Самаа, что ни на есть настоящая любовь».

Встречаются такие заявления: «Желательно показывать героя в каком-либо романе, за которым интересно следить».

Тракторист Фералитов (Корабль МТС) говорит: «Когда-то давно прочел книгу (название не помню), там рассказывается о бедном офицере, который перешел на сторону красных, об организации партизанского отряда; помню, что когда читал, сердце замерло, так бесконечно о судьбе героев, все хотелось узнать, что же с ними будет дальше».

Глубина содержания, типичность характеров, яркость образов, простота и доступность изложения, взаимность — вот основные требования, предъявляемые колхозным читателем к художественной литературе.

КНИГА В КРАСНОЙ АРМИИ

Книга вошла в быт бойцов РККА. За годы службы в армии красноармейцы основательно знакомятся с классиками и современной литературой.

Мы помещаем отзывы красноармейцев N-ской дивизии о прочтении книг. Отзывы давали рядовые бойцы, многие из которых пришли в армию малолетними, политически не развитыми.

«СУСИМА»

Когда читаешь эту книгу, кажется, будто представляешь себе все подробности бессмысленного похода на японцев.

Много дает эта книга красноармейцу. Прочтав ее, сравниваешь службу тогда — при царском режиме: мордобой; издевательство над солдатами — и полную содержания жажду красноармейскую жизнь.

Большая прощаль колхозная революция между двумя армиями. Книга ярко показывает великий парад со всей его святой адмиралов-самодуров и неуправляемых бурных подым революционного настроения среди солдат царской армии. Красноармеец КРИВЧЕНКО.

«НРАВЫ РАСТЕРЯВОЙ УЛИЦЫ»

Сильные и безжалостные, истринные и изворотливые воры живут за счет людей, эксплуатируемых ими людей. — таков волчий закон капитализма.

Первые рассказы Глеба Успенского в книге «Нравы Растеряевой улицы» и показывают как раз рост, развитие, нравы и идеалы этого рабского мелкого хищника, героя того времени, вора, скопидома, урода человеческого общества — Прохора Лорфурыча, оружейных дел мастера.

С большим мастерством и убедительностью показывает Глеб Успенский и других типов Растеряевой улицы: мастеровых людей, забитых и отчаявшихся, весь ужас и грязную, бесчеловечную мешанину жизни, подлнничество и угодничество, разврат и подлость — неизменные спутники грабительства и эксплуатации.

Об этой маленькой по размеру, громадной по содержанию книжке хочется писать очень много. Не нужно не только читать, ее нужно изучать как образец художественной литературы. Красноармеец КУЛЬБИЦКИЙ.

«БОЛЬШОЙ КОНВЕЕР»

Заслуга Ильина — автора «Большого конвейера» — в том, что он сумел показать читателю повседневную, кропотливую работу большевика над первоосновой человека, превращением его в активного строителя социализма и героя Страны Советов. Эта книга, — лучшее пособие для усвоения сущности генеральной линии партии, правильности ленинской политики и индустриализации.

В книге показана повседневная работа ЦК и т. Сталина и Орджоникидзе о судьбах завода. Претворение в жизнь шести указов т. Сталина — вот секрет победы освоения тракторного завода. Когда читаешь эту книгу, невольно живешь всем тем, чем жил каждый рабочий, инженер, партийный работник, непосредственно борющийся за освоение завода. Красноармеец ДРАБКИН.

«ЧЕЛОВЕК МЕНЯЕТ КОЖУ»

Что в книге «Человек меняет кожу» самое интересное? По-моему, все. С большой силой замлекательно художника показана героическая борьба партии, комсомола и всех трудящихся Таджикистана за превращение предель отсталых окраин в социалистическая.

Таджикистскую пунжа вода, и ливнистая мечта превращается в действительность. В номонетно тяжелых природных условиях, в обстановке ожесточенной классовой борьбы победоносно заканчивается грандиозное строительство. Вырастают новые люди, герои, отдавшие все силы для торжества социализма. Книга учит, как надо работать, учит распознавать классового врага, призывает к бдительности. Красноармеец ЕГОРОВ.

«ДЕНЬ ВТОРОЙ»

«День второй» Илья Эренбурга принадлежит к ряду лучших произведений советской литературы. В своей книге Илья Эренбург о большом мастерством рассказывает о советской действительности, о молодежи нашей эпохи. Когда читаешь роман «День второй», радуешься за людей нашей страны, за ее победы за создание новых величайших строек.

Учительница Ирина и комсомолец — ударник стройки Коляка Ржавлов живут полной жизнью козлов одной шестой части мира, они впитывают в себя лучшее, что создала человеческая культура, она формируется политически, у них развивается интерес к технике и литературе. У них создаются новые отношения к миру, новые формы отношений между мужчиной и женщиной. Красноармеец АЛ. САЕНКО.

В СССР В ЦАРСКОЙ РОССИИ 8 1913. 1934. Выпуск художественной литературы (в млн. экз.), (По данным Государственной центральной книжной палаты).

О ЛИТЕРАТУРНЫХ ЖУРНАЛАХ

Во последнее время нередко приходится слышать, что тот или иной журнал отстал от жизни. Одинаково это относится к журналу «Современник» и к журналу «Литературный журнал».

Считая, что у советского читателя нет времени на чтение романов и повестей, редакция пришла к выводу о необходимости издания, в котором эти самые романы печатались.

Иные говорят, что в последнее время тот или иной журнал был организатором общественной мысли, штабом идеологической борьбы (при этом неизменно осыпая на «Современник»). Теперь руководящая политическая роль перешла к газете. Следовательно, журнал отстал и т. д. и т. п.

Наряду с этими «теоретическими» аргументами против тотского журнала мы встречаем еще и аргументы от практики. Наиболее впечатлительно производят на доверчивых людей категорическое утверждение, что журналы не читают.

На основании чего можно заключить, читают или не читают журналы? Конечно, на основании данных об изменении тиража. Что же говорит цифра? Тиражи тотских журналов растут из года в год, достигнув 30.000 и 60.000 экземпляров.

Но это далеко не предельные цифры, ибо тиражи журналов лимитируются бумагой. Подписка на «Красную звезду» была прекращена еще до окончания годового года, т. е. 29.000 на 30.000 была распространена врасплох после открытия подписки. Трудно допустить, чтобы из года в год росли тиражи на издания, которых, по мнению «критиков», никто не читает.

Второй аргумент от практики: наши тотские журналы не имеют лица. Единственный вывод, который можно сделать, это — признать журналы соответствующее лицо. Здесь предлагается ряд рецептов, которые должны спасти журналы.

Один хочет превратить журналы в органы «литературных течений», совершенно закрытых глаза на то обстоятельство, что в пределах советской литературы «течения» отнюдь не проявляют тенденции к организационному объединению друг от друга.

В самом деле, какие основания не метаться рядом таким писателям, как Тихонов и Шолохов, Фадеев и Шанин? Почему «Лусима» не может жить в том журнале, где идет «Петр и Павел»?

Другие видят спасение в отказе от печатания больших романов с продолжением. Можно, конечно, возражать против печатания таких романов большими кусками по 1 1/2 — 2 листа, но почему не напечатать «Подвиги невинных», например, в двух-трех книжках журнала? Любопытно, что в связи с вопросом о продолжении эти же вопросы ставят целые «теории».

Так, например, в № 2 журнала «Знамя» отбрасываются рассуждения о том, что журнал, который встает перед задачей печатания писателей от работы над большими романами.

Не в искусственном насаждении «литературных течений» и не в искусственном регулировании жанров надо искать спасения или изменения тотских журналов, а в более тесной их связи с действительностью, в большей оперативности, в усилении их организующей роли.

Интересное литературное материало в наших журналах не так уже мало, нередко «неподвижный» тотский журнал дает очень актуальные произведения. Между тем, попытки во-время осмыслить этот материал, довести его до читателя, — весьма редки, и зачастую произведения продолжают незамеченными. Поэтому во-первых, необходимо, когда производятся раскаты Л. Сейфуллиной «Таня» («Новый Мир», № 3, 1934 г.) и глубоко поучительная «Пелена» (своя повесть Малларго до сих пор не получила оценки, и это в пору самого глубокого интереса к вопросам войны, воспитания).

В чем причина недостаточной организующей роли редакций? Одна из причин — общее оставление критики, которое не могло не сказаться на критических отделах, больше всего выходящих на лицо литературных журналов. Вторая причина — условия, в которых протекает работа наших редакций. От обслуживания оригинального узкого литературного круга они уже давно перешли к обслуживанию многих десятков тысяч читателей; тиражи и объем журналов возрастало влияние на читателя, а редакционная работа работала в условиях: недостаточности штатных, с несоблюдением политической базой. Ежемесячная норма редактора в издательстве колеблется от 30 до 60 листов, редакторы журналов, помимо текущей работы, читают до 150 — 200 листов в месяц. Может ли такой работник редакций следить за всеми новинками и своевременно откликаться на них? Может ли он регулярно собирать людей, направлять их работу?

По вопросу не исключается одной организующей работы в самих редакциях. Редакция наших журналов становится с поразительной ясностью издательств и типографий. Можно ли считать нормальным положение, при котором ежемесячные журналы находятся в производственном подчинении? Между тем, между тем, издательство в течение долгого времени издается с двухмесячным сроком. По таким расчетам номер журнала должен был сдаваться в начале апреля, а тем, чтобы он попал к читателю во второй половине мая. Извольте делать актуальный журнал! Каким образом доводить не выходящих работников издательства и типографии, чтобы доказать техническую невозможность сокращения сроков производства? Между тем в 1927 — 1928 гг. номер журнала «Молодая гвардия» (12—13 листов) находился в производстве 20 — 21 день, «Октябрь» в 1929—1930 гг. (13 листов) находился в производстве 24—25 дней, в 1930—1931 гг. — 27 дней. Почему журналы обходят в 14—15 листов должны находиться в типографиях два месяца? Можно ли дальше допускать, чтобы процесс сдачи тиража отнимал почти столько же времени, сколько уходит на набор и печать? Можно ли спокойно смотреть, как брошюровочные цехи превращались чуть ли не в самое узкое место типографии? Жалко со стороны работников издательства и типографии на «объективные» условия — сколько угодно, а попыток перераспределить силы, перестроить работу, по-другому ее организовать, — что не видно. Разве как незаметно деловые попытки бороться с плохим качеством типографской работы. У нас умкут в короткий срок выпустить блестящие издания, отвечающие самым требованиям вкуса, и пакует перед таким несомненным изданием, как ежемесячный журнал, оформление которого весьма просто.

Опелатки стали буквально общественным бедствием. Качество набора весьма чувствительно влияет на удешевление оговорок производства. Несомненно, что в последние годы, когда так много лет тому назад редакция, как правило, не анализировала «современные» сверхталоны сразу же подписывались в печать. Теперь приходится брать листы на сверку до двух раз. И все равно опечаток не избежать. И все потому, что кому-то пришлось в голову отменить старый хронический обычай давать редакциям графики. Одно время была в моде так называемая «мониторинговая система»: редакция сдавала материал и больше к нему не прикасалась до выхода номера. Номер выходил очень скоро, но с такими беспощадными опечатками, что от этой системы пришлось отказаться. Системы-то давным-давно нет, а пережиток ее в виде отказа давать графики редакциям сохранился. Эта «мониторинговая» система характеризует кооптацию некоторых издательств к типографским работникам.

Неправильно было бы искать причину всего только в типографии. Лучшего доказательства роли издательства, чем опыт журналов «Знамя» и «Литературный журнал», трудно найти. До осени 1934 г. эти журналы выходили очень аккуратно: каждое деловое число очередной номер «Литературного журнала» был на графике. С момента перехода в Госиздат оба журнала закатались. Сказавшись же уже соответствующим отделам издательства, выходящих с типографиями и организующих работу внутри самого издательства. Жалобы на работу корректоров редакция очень давно, на поверку выясняется, что корректоры в Госиздате работают так же подчинены: от них после этого удаляются всевозможные пропуски, искажения и т. п. Кочевка журналов из типографии в типографию не прекращается: от них удаляются, что типография по-настоящему не успевает освоить журналы? Мало того, издательство не сумело даже урегулировать такое сложное вопрос, как обработка оригиналов в редакциях. Казалось бы, что проще: грязные и ослепшие оригиналы не принимать — одна из причин опечаток была бы устранена, и работники редакции были бы защищены от жесткой дисциплины. Но и в таком сложном деле промывала только великая целеустремленность. Тогда 3-4 тому назад работники издательства сохли возможным поддержать требование одной из типографий, чтобы на страница оригинала не было больше трех буненных поправок; теперь удаляются в другую крайность и принимают слишком замазанные страницы.

Выводы? Они ясны. Прекратить богушно об устаревших тотских журналах. Создать для редакций условия, соответствующие назначению их работы. Отказаться от утомительных и издательских и типографских, взгляда на журналы, как на дело второстепенное. И, разумеется, активизировать наши журналы, чтобы они заняли должное место во всей системе советской печати.

А. СТУПНИКОВ

ПОЧЕМУ ОПАЗДЫВАЮТ ЖУРНАЛЫ?

Систематическое, из года в год повторяющееся опаздывание литературных журналов — результат плохой, нечеткой работы издательства, типографии и редакций.

Вот, как рассказывают о причинах опоздания работники, выпускающие журналы.

— Третья книга «Красной новы» — говорит зав. периодикой Госиздата т. Берим, — давно бы уже вышла в свет, если бы не одно печальное обстоятельство: работа над ней в типографии «Известия», где до сих пор печаталась «Красная новь», совпала с выпуском «Новой новы» «Красная новь» как журнал «посторонний» была опоздана в сторону и не печаталась до тех пор, пока не была закончена работа по «Новой миру». Как правило, редакция к большому опозданию сдает материал в набор.

Замедляет работу большая авторская правка в гранках («Литературный журнал», в верстке и даже сверке («30 дней», «Октябрь»).

Очень мало обращает внимания на периодикой издательство. Из-за отсутствия фона на обложку пролежал без движения несколько дней номер первой «Октябрь». Издательство несвоевременно доставило в 13-ю типографию бумагу, в результате чего печатание журнала «Знамя» задержалось на 5—7 дней.

До конца апреля редакция не имела графика производственного цикла.

— Не анализи, жаловались нам работники «Октябрь», — когда поучились гранки, листы. Поэтому подготовили заранее авторский коллектив к просмотру отсысков было невозможно.

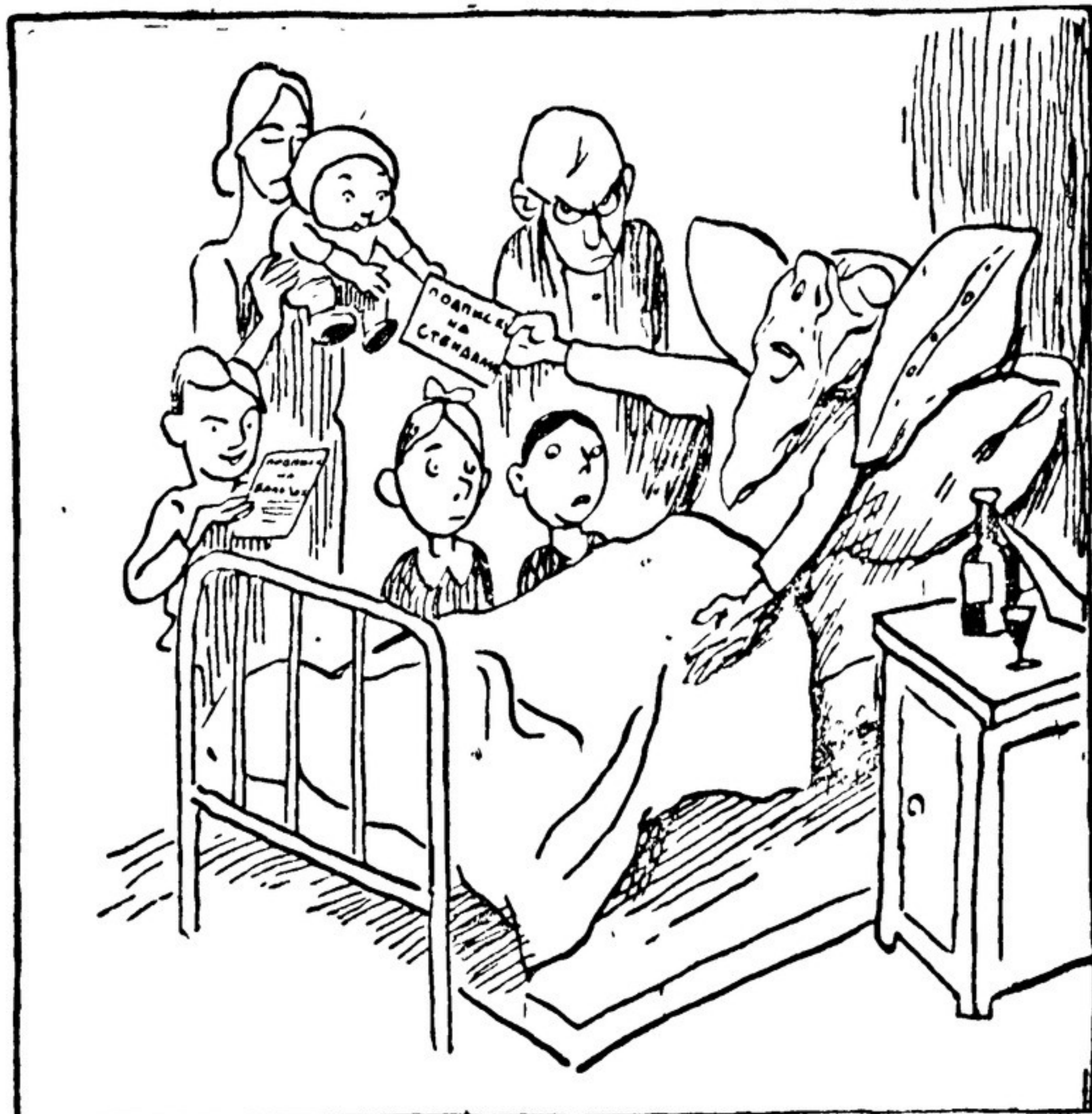
За последнее время редакция несколько улучшила свою работу. Если первые номера журналов поступали в производство с опозданием, то последние почти всех ежемесячных сданы вовремя или даже раньше срока. Эти работники редакции опровергли или же сами выдумали доказательства о невозможности сразу, в короткий срок, сдавать весь материал. Дело тем же, типографиями, которые должны ударающей работой обеспечить своевременный выход в свет всех журналов.

Почему, как правило, журналы опаздывают в производство вместо положенных по графику 35 дней — 60—70 дней? Что мешает нормальному ходу работы? — С этими вопросами обратились мы к своему технику 39-й типографии т. И. М. Красному.

— С ноября 1934 г. по январь 1935 г. включительно, — говорит И. М. Красный, — типография печатала срочный материал по отчетно-перевыборной кампании. Работа по периодическим изданиям была значительно свернута. В итоге с самого

НА СМЕРТНОМ ОДРЕ

Рис. А. Радакова



— Эти квитанции подписки на полные собрания сочинений классиков и хранил с любовью. Берите их. Если не вы, то внуки ваши дождутся обещанных книг.

ЖУРНАЛЫ

„ОТ ВСЕГО СЕРДЦА“

Преждевременная творческая самоуверенность вредит молодому писателю не меньше, чем излишняя литературная робость. Может быть, он и очень молод, автор этих стихов, и не является начинающим поэтом, — все равно: их качество далеко еще не совершенно. Но вместо того, чтобы постепенно и настойчиво овладевать поэтической культурой и о должным терпением развивать свои несомненные поэтические способности, Вал. Вартапов предпочитает считать себя почти сформировавшимся мастером. Стихи «От всего сердца» — это стихи «во весь голос». Но голос еще не окреп, его интонация ломается, фальшивит, и чем громче и экспансивнее он звучит, тем очевиднее для слушателя, что этот голос совсем еще не поставлен.

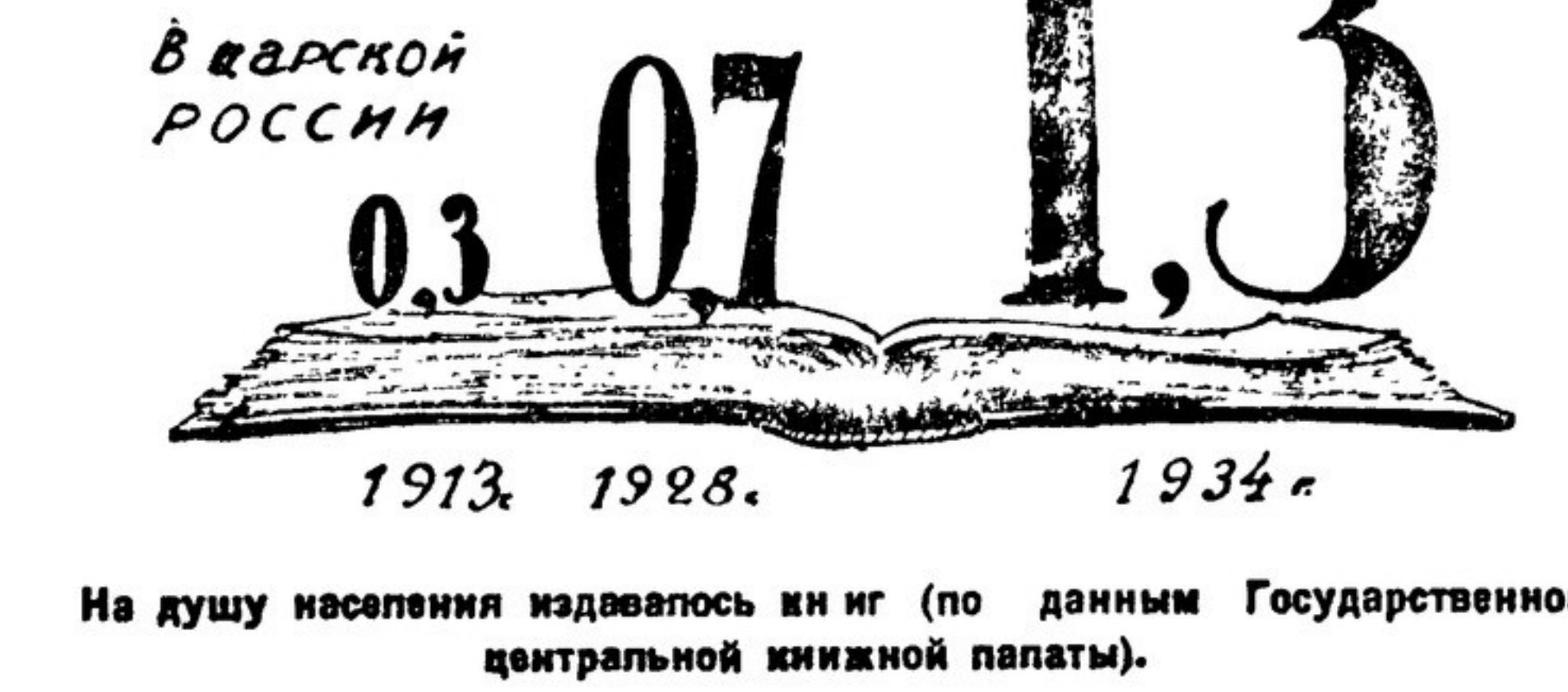
Вот и все, в чем это влияние опустошает. Но чтобы «единого слова ради» извести «тысячи тонн словесной гуды» — на это Вал. Вартапов, очевидно, не способен. Поэтому, как ни значительна тематика его книги, как ни полны воодушевления его отклики на события нашей боевой современности, как ни искренни его «мировоззренческие» стихи — вся книга в целом остается сырой и поэтически неудачливой.

В этом отрывке столько поэтических промахов, что снижается смысл всего стихотворения — большого и интересного по теме. К сожалению, по

добных промахов и невыразительных стихов не лишены даже лучшие вещи сборника. Иногда эти невыразительные рифмы: «хрустят — чудовище, асфальт — карусель; иногда — надуманные образы, а чаще всего — многословие, торопливость и неумение найти сильное слово. В результате почти каждое стихотворение расплывается на несколько страниц и, несмотря на внутреннюю конкретность и идейную четкость, не выливается в законченную форму.

В некоторых вещах Вартапова чувствуется влияние Малковского. Оно могло бы быть плодотворным, если бы не было столь пошлостным. Внешняя размашистость стихов, публицистическое настроение каждой почти строки, не всегда удачное пользование «разговорными» ритмами — вот и все, в чем это влияние опустошает. Но чтобы «единого слова ради» извести «тысячи тонн словесной гуды» — на это Вал. Вартапов, очевидно, не способен. Поэтому, как ни значительна тематика его книги, как ни полны воодушевления его отклики на события нашей боевой современности, как ни искренни его «мировоззренческие» стихи — вся книга в целом остается сырой и поэтически неудачливой.

Вал. ВАРТАПОВ, «От всего сердца», Стихи. Изд. «Черныш», 1934.



СЕВЕРЯНКА

Есть разные степени творческой неудачи. Бессчастный писатель написал плохую книгу — стоит ли вообще об этом много разговаривать? Но если писатель талантлив, а книга все же не удалась, то тут уже одного констатирующего факта мало: нужно постараться понять причину этой неудачи. Еще сложнее и интереснее случай, когда в целом неудачная книга автора одаренного несет в себе обещания, его дальнейший рост и, наряду с очевидными и крупными недостатками, радует мастера своей свежестью, зрелой точностью наблюдений, метко найденным словом. Где заложены корни такой неудачи и как перелопачивать ее с другими, питающими все жизненное и художественно правдивое, что спасает эту книгу от полного провала? В чем оказался автор несостоятельным — в идее или в самом замысле, в конкретности ли его воплощения, или в своей писательской манере?

Но обратимся к роману А. Митрофанова «Северянка», который является ярким образцом подобной сложной творческой неудачи.

Этот роман о любви, о новой женственности, воспитанной советскими условиями, о распахнутом во все свои ширь мир, чувство обладания которым сопровождается все «истинно-человеческие нестяжания» его героев. Пожалуй, лучше всего внутренняя напряженность романа, предель его замысла и объем его исканий выражены в речи Хазаарова — одного из главных его действующих лиц, о котором подробно мы будем говорить ниже. Вот характерное и в известной мере программное для самого автора — об этом свидетельствует весь творческий строй романа — место в этой речи:

«Наступило время писать вещи, которые совсем недавно казались невозможными. Там, в этих вехах, люди будут включены в пространство, которое во всей необъятности открылось только австра. Там будет предчувствие обладания всем миром, которого нужно добиться в бою. Там будет хорошая отчужденность от быта и некоторая странность поступков — но они будут продолжены в будущем, в австра. Действие будет происходить в наши дни, но оно развернется словно на другой планете».

Заметно выросли литературные способности Митрофанова, уверенно и свободно строит он каждую фразу, с непринужденностью, почти покоем мастера, разрешает отдельные проблемы своего, довольно скромного романа!

Но и — увы! — как мало этих внешних достоинств романа для того, чтобы оправдать его внутреннюю размашистость, чтобы сделать его тему живой и художественно рельефной, чтобы убедить читателя там, где его совсем не убеждает творческий метод Митрофанова! Неудивительно, что порой Митрофанову захватывает и внешние изобразительные средства, а композиция романа не удалась ему и вовсе. Ибо художественные приемы не живут отдельной жизнью от общих творческих принципов писателя, и если оказываются несостоятельными последние, то ему изменят и первые.

Свежий и сильный в деталях, роман Митрофанова производит в целом впечатление серьезной неудачи, обусловленной пороковой точкой зрения, с которой раскрывается в нем действительность.

Формальною определению этой неудачи можно выявить старым в отношении Митрофанова упреком — в призрачности и импрессионизму. Но если в первой его книге импрессионизм является несомненным методом писателя, еще неуверенно в своих силах и только пробующего свой гол, то в «Северянке» импрессионизм — это уже целая система ошибок, подрывающая систему творческих взглядов. Разве нет претензий на литературное новаторство в речи Хазаарова и разве не очевидна ее импрессионистическая устремленность — импрессионистическая, несмотря на горимый революционный азарт этой речи? А ведь роман Митрофанова — это как бы программа Хазаарова, реализованная в художественных образах. И хотя в нем ощущается также совсем другая, довольно реалистическая струя и хотя именно эта струя оживляет мстак действительности —

в основном он настроен на языком после импрессионизма. «Как... в этих вехах, люди будут включены в пространство», — в начале и красиво говорит Хазааров. «Книга головной, она смременно и терпеливо предостерегает пространство», — говорится уже на первой странице «Северянки». Неважно, что для автора включается в пространство всего только лодья — в дальнейшем не будут обойдены и люди. Вот, характерная черта своих героев — выдвигает Кунакова и подосланного за границы врилетия Довлато — Митрофанов не забывает упомянуть: «У обоих было чувство пространства». Вот это же понятие в глубокой переживании мелкого человека Девника: «Вдруг ощущение пространства и высоты оно само произошло по его языкам. Оно открылось перед ним — черное и липкое пространство в гудках, в фабриках, с уходящими поездами... Вот оно во множественном числе и латентически приподнято: «Раздвигаются пространства и мир открыт со всех концов, чувствуешь атмосферное давление, разряд грозовых облаков, охватывающую глубину, где переваливаются складные водоросли».

Но дело, конечно, не в количестве случаев, в которых — уместно или неуместно — использовано это понятие. Дело в том, что весь колорит романа — в его описаниях, характеристиках героев, даже сюжетных моментах — создается из этих языков и стремлений автора сказать его действие с мимолетными, субъективными и разрозненными ощущениями времени и пространства. Какое-то подобие скважины проходит через весь роман. Дожди, ветры, солнечный свет, пробивая листья и сподвигая яркое небо — все это в беспорядочном облике переплетает его страницы, и таким же нестройным потоком, в стремительности которого Митрофанову хочется выразить живое ощущение жизни, смешанной в нем бурное движение — неясные отрывки: «Создается ли настоящая лирическая возможность, которая придает этой сумятице чувств и переключке образов известную художественную свежесть. Но еще больше в век нево-

своем поведении. Если же в этом поведении воплощается и следующий пункт программы Хазаарова, т. е. «некоторая странность поступков», то происходит то, что именно и произошло с главными героями романа: их образы не так глубоки, как искусственно усложнены литературными «тонкостями» и чертами психологического импрессионизма. Особенно это ясно на примере Хазаарова. Хазааров — это почти Малковский: все его внешние приметы, наиболее заметные вещи его биографии и его творческой судьбы — вплоть до последней записки со стихами и последнего телефонного разговора — даны с точностью, не оставляющей места для сомнения. Но там, где Малковский кончается самоубийством, Хазааров остается в живых: выявляется женщина Елена, «северянка», в любовь к которой он влюбился все свои жгуче-терзающие чувства и которая осыпала, называя, сама своей женственностью. И она возникает знакомый лейтмотив, якобы поднимавший многословно рассказанную любовную историю до высоты нового подвига мира: «С детства я в жизнь вошло и заполнило ее огромное пространство».

Не в том беда, что эта любовная история и связанные с ней сдвиги сознания не очень убедительны, хотя в ней и звучат мстак живые личностные отклики — как и не в том, что сходство Хазаарова с Малковским оказывается, при ближайшем рассмотрении, всего лишь внешним. Беда в том, что с полным правом отказавшись от портретного сходства и задумав по своему решить образ поэта, несколько подобный образу Малковского, Митрофанов не сумел создать ничего значительного. Хазааров пасивен, бездеятелен, погружен в самосозерцание, сложность его чувств и творческого кризиса лишается подлинной глубины — она дрожит на оттенках острого ощущения, неясных или самому, но и не проследимых в авторской их передаче. Он и впервые живет «словно на другой планете» — так необязательно его соседство с описанными событиями романа и так оторвана его революционная размашистость от действительного участия в жизни. А когда он проносит свою речь, то для читателя очевидно, что проносит ее перед душой аде-

тацией, и что это сам автор защищает свои творческие установки. Но ведь образ Хазаарова — пожалуй, наиболее законченный и воплощенный — не обидно ли, что он интересен лишь там, где его внешне сходство с образом Малковского выступает особенно наглядно?

В том же импрессионистическом стиле построен образ Елены. Обаяние ее женственности, сначала невольной, неуверенной в себе, уловистой, а потом, по мере душевного роста, раскрывающейся во всей своей зрелости и знойной доплате, должно было бы, по мысли автора, проходить через весь роман, как дышащее человечество, красоты и силы нашей революционной эпохи. «Впервые в истории выросла женщина, свободная от всех пут» — говорит о ней Хазааров: «Она стройная и красивая. Северянка! Она сможет стать героиней или повторить много смененных и чудовищных дел. Она — сила, вершние осознающая себя. Женственность, которую обещают все ветры и бури, жадная, могучая шагнуть, куда угодно. Она на пороге нового мира где ежедневно меняются правила и обычаи... Но и этот свежий и интересный образ расщеплен в психологические детали, неустойчивой художественно дано в приметах своей простоты и душевного злорадия, а затем многословием, перебивком лиричности, случайностью «несколько странных поступков». Как и Хазааров, Елена лишь соприслагается с основными событиями романа, но не участвует в них: а может быть, события ее душевного мира спорят с теми, что происходят в романе. Как бы то ни было, образ этой комсомолки, фрезеровщицы, девушки «чистых пролетарских кровей» оказался бы совсем расплывчатым, если бы за ее плечами не вставали бы живые образы других людей, из среды которых она вышла. Но тут и начинается расслоение.

Обобщая и людей, сгруппированных вокруг главных сюжетных узлов романа, Митрофанов расклевывает прозе, энигматично и убедительно. Исполнением является образ Кунакова, но и то только в тех положениях, где Митрофанов держит его на импрессионистическом сквозняке лирической темы романа. В своей же деловой последовательности, в отношении с работами, в ошибках партийного аппарата борьбы за план, во всей своей честной, революционной сущности, богатой опытом, во лирической стройности марксистского мировоззрения — Кунаков и выхо-

важно значительна и художественно значительна. Таковы же Непала-Ушаев, директор завода, отец Елены — Листинский, слесарь и представитель правящей партийной линии в организации соревнования и ряд других разнообразных, но живых и запоминающихся лиц. Особенно же удался Митрофанову эпизодический образ рабочих и рисовки массовых сцен. Жизнь завода показана им без наигранного пафоса и без литературной манерности — просто, реалистично и с большой общоулавливающей выразительностью каждой остроты наблюдения. А, например, сцена собрания, на котором Кунаков избирается в помощники директора — это почти маленький шедевр. В ней чувствуется то, что можно назвать душой коллектива.

Но недостатка есть и в этой части романа — правда, много качества, чем те, о которых говорилось выше. Плохи, очень плохи предатели. Главных из них, Довлато, выписан без красноты, но его старорежимная матерья злоба и сызновские прищипки слишком сильно потрясли желью, чтобы вызвать у читателя впечатление живого и опасного врага. Напротив также Митрофанов, ради сюжетного эффекта, отарательно опорахивает перед читателем Ивана Примаер, его бывшего денщика: когда внезапно оказывается, что он переродился, читатель принимает это, как факт, художественно ничем не аргументированный. Да и вся предельная интрига может быть вынута из романа как дружина, которая вложена в него для большей «динамичности».

Роман не удался. И почти как впечатление в этом, звучит его вывод. В нем Митрофанов выносит его действие в обстановку дальневосточного конфликта 1929 г., чтобы разом разрешить все трудности, которые возникли перед ним из двойственного расслоения романа. Но этим же разрешается, конечно, вопрос о борьбе эстетической правды с импрессионистической краснотой в творческом методе самого Митрофанова. Рост Митрофанова тормозится непервой ориентацией его творческой искания.

GERMAN ХОХЛОВ.

Ваше дело

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В ОТРЫВКЕ

КОРЮШКО Алексей Ефимович — начальник раз'езда «Далекое». 52 г.
ЖЕНЯ — дочь его, приехавшая на практику, 16 л.
МАКАРОВ Иван Макарович — стрелочник, 56 л.
ТОМИЛИН Геннадий Миронович — телеграфист, 33 г.
ТОННИХ Влас Филиппович — второй стрелочник, 48 л.
СУЛИН — кондуктант салон-вагона, 30 лет.
Наши дни. Сутки августа.

АКТ ПЕРВЫЙ.

Рельсовые пути. Платформа. Чистенький домик с вывеской: «РАЗ'ЕЗД ДАЛЕКОЕ. ОТ МОСНВЫ 6782 км. ОТ ВЛАДИВОСТОКА 2250 км.»

В аппаратной КОРЮШКО диктует Геннадию телеграммы.

КОРЮШКО. «Д. Забайкальское. Салон-вагон номер девять сорок три отпелен московского экспресса...

ГЕННАДИЙ. Вам вступать в семье а сейчас половина шестого... И кроме того я все равно не лягу... Такие события!

КОРЮШКО. Да, событие небывалое. Диктуй, Геннадий Миронович... «ДН. Подтверждаем получение распоряжения начальника дороги...

ГЕННАДИЙ. Волнуясь необычайно... Отчего бы?

В другое окно, отделившая занавеску, высовывается заспанная Жена.

Рис. Ф. Мазерееля



На Красной площади 1 мая.

ГЕННАДИЙ Алексей Ефимович. Я обрелась... и ядену форму...

КОРЮШКО. Идите к себе, идите... А потом я я... подзапустила шестину...

ГЕННАДИЙ выходит. КОРЮШКО прохаживается по платформе. Стучит аппарат — он бросается на прием.

Слева на платформу подымается МАКАРОВ.

МАКАРОВ. (Молча прохаживает мимо салона, крутя сумочку. Остается в стороне от окна.) КОРЮШКО. Вот, брат Иван Макарович, какие события!...

ЖЕНЯ. А это что? КОРЮШКО. Вагон, Женюшка, салон-вагон. Бандажа лопнула. Ты спи...

ЖЕНЯ. А кто в нем едет? КОРЮШКО. Военный! Из Хабаровска в Москву... Все узнаем, ты спи... набирайся сил... похудела в городе, учеба — штука не легкая...

ЖЕНЯ. Военный! Из Хабаровска! Значит вождь! Ага! КОРЮШКО. Тшшш... Женюшка...

ЖЕНЯ. Вот и я живого вождя увижу! Сейчас мы это организуем! КОРЮШКО. Женюшка, (По Жене уже скривился в окне, задернув занавеску.)

ЖЕНЯ. Ты смеешь, папаша... Я после рапорта подожду, буду просить его сделать доклад о Красной армии и об очередных задачах.

КОРЮШКО. А может не надо? Может он не появится? ЖЕНЯ. Обязательно появится... Он ведь ваш вождь... И потом — выставим почетный караул... хотя это, кажется, на поторопай!...

ЖЕНЯ. По Москве томятся! В газетах жвавет быть папешаталым! Тоскливо ему на раз'езде! Скажи, какой герою — от жены с ребенком уйти! Ненавижу!

МАКАРОВ. Его жена — моя дочь... Его сын — мой внук... Пусть уходит.

ЖЕНЯ. А что? МАКАРОВ. Лаврентий уходит... Окончательно... КОРЮШКО. Уходит! Скажи на милость... Конечно — герою хочет сделаться, а в тайге какой героюм...

ЖЕНЯ. Папа, скажи ему, так нельзя! он хочет вперед всех вылезть... КОРЮШКО. Он шутит, шутит, Женюшка... А ты бы того, дорогой мой... почитался слегка... для праздника...

Входит выбитый, переодетый ГЕННАДИЙ. ГЕННАДИЙ. Алексей Ефимович, ступайте вы...

ЖЕНЯ. Да, да... И свой чесучевый пиджак вадень! И поскорее, а то конфуз... массы — без пиджачика! Ступай.

КОРЮШКО. (Уходит.) ЖЕНЯ. Ох, скорее бы... (Старается взглянуть в окно)... Нет... не видно... Геннадий! По-прежнему, он молодой? ГЕННАДИЙ. Я волнуясь... Я ула-

но волнуясь, Жена... (Стучит аппарат. Геннадий бросается на прием). ЖЕНЯ. Какой бы ему подарок поднести?.. О! Возьмем медвежью шкуру у матери и подарим... Она своими руками медведя ухлопала... Значит подарок стоящий...

VII

Справа на платформе выходит грузный растрепанный ВЛАС.

ВЛАС. Томитесь?.. Начальства жалеть... Когда сядешь вкушать пшшу е владелником, то не прельщайся лакомыми явствами его — обмазчивая это пшшу!

ЖЕНЯ. Начинается... поповская болтовня... ВЛАС. Помог я не был. Я септатем был... моноклином... А теперь я стрелочник!.. Иисуса сына Сирахова премудрости — чте-е-ние...

ЖЕНЯ. Тшшш, первовная глотка!.. Зачем пришел? ВЛАС. Объявить!.. ГЕННАДИЙ. Вы бы лучше умилесь, Влас Филиппович...

ВЛАС. Ступай! Сапогам моим вышес срок, и одежда моя небрежна, но облачающие будут любими!.. Геннадий, дай пшшу!

ГЕННАДИЙ. Не курю... ВЛАС. Сие известно... ЖЕНЯ. Уходите... У нас по плану, а вы мешаете... Иван Макарович, скажи ему...

ВЛАС. Истинно говорю ему — пусть ступит!.. Я этой минуты четвертого года ждал!.. Приехала власть в вагоне, и я буду с ней разговаривать!

ГЕННАДИЙ Влас Филиппович... ВЛАС. Молча!.. ГЕННАДИЙ. Гитара моя тут ни при чем!.. ВЛАС. (Запел фальцетом)...

Как у нас на мостере. Играли на граммовере, Сиверга на вывергу — Грамовера — на сивергу...

ЖЕНЯ. Что вы криваетеесь, Влас Филиппович!.. Довольно странно... Тем более старик... ВЛАС. Томление духа, действительная!

ЖЕНЯ. Пропу меня этим глупым словом не называй! ВЛАС. Стало быть ты уже блудодейка?

ЖЕНЯ. Я — комсомолка... и пожалуйтесь!.. ВЛАС. Разве комсомолкам не дано быть действительными?

ЖЕНЯ. Не приставайте с мистикой!.. ВЛАС. А ты просвети... В тайге живем, учиться не у кого!.. Лаврентий от этого и уходит!.. (Макарову)... Уходит зятек. Иначе? Женя бросает на прощанье страсть!.. Ничего, полберут жену Геннадий ей на гитаре сплет чувствительное...

ГЕННАДИЙ. Попросят бы сплетнички подперчататься!.. Ничего это не касается! (Захлопнул окно в аппаратуре)... МАКАРОВ. Разговоры... ВЛАС. ...Да, разговорчики...

VIII

Входит КОРЮШКО, побитый, в белом чесучевом пиджаке.

КОРЮШКО. Влас Филиппович!.. Доброе утро!.. Превосходный, я вам доложу, денек.

ЖЕНЯ. Папа, скажи ему, так нельзя!.. он хочет вперед всех вылезть... КОРЮШКО. Он шутит, шутит, Женюшка... А ты бы того, дорогой мой... почитался слегка... для праздника...

ВЛАС. Свртучка не имев... Чесучевого свртучка... КОРЮШКО. Да он у меня — во семнадцать лет... Харбинский товар... с казлым голом мяче...

ЖЕНЯ. Повернись, еще раз... Кажется, ничего... Отдай часть!.. Ай... Подумай!.. Подумай!.. лопнула... КОРЮШКО. (Обязываясь). В самом деле... по шшу... Я много, много заплачу!

ВЛАС. Обиживать хозяйка... должна... КОРЮШКО. Куда там... Любе не колда... Она — женщина бравая, в тайге промышляет, ей не до нас... молодень, я и носка сам штопаю, превосходно, я вам доложу...

IX

Отворяется дверь салона. Все отступают от неожиданности. Входит СУЛИН. (В руках у него ведро)...

СУЛИН. Здравствуйте, товарищи!.. КОРЮШКО. (Проходя вперед)... Сердечно рад... Мы с вами уже знакомы, так сказать... (Противягает руку, вспоминает про подмышку, отдергивает и сгибает ее в локте)... Виноват, маленькая неувязка... Как спали?

СУЛИН. Хорошо спали. Воды бы мне, товарищ Корушка... Самовар пора ставить.

КОРЮШКО. Воды?.. Это мы немеленно... Влас Филиппович!.. Возьми ведро!.. ВЛАС. (Сузив)... Не величайся перед лицом вождя и на место великих не становишься!

ЖЕНЯ. (Тихо)... Чорт, чорт, чорт!.. ВЛАС... Потому, что тут, когда скажут тебе — «пойди сюда, повиди», невелики когда поймают тебя перед знатным, которого видела глаза твои. (Уходит, гремя ведром).

X

КОРЮШКО. (Сузив)... Он у нас, знаете... оригинал.

ЖЕНЯ. Поп недорезанный!.. А вас как зовут? СУЛИН. Сулин моя фамилия... А вас?

ЖЕНЯ. Меня — Женей... Учусь в Стетенсе, в техникуме... Член ленинского комсомола... Членский билет номер ноль ноль пятнадцать двадцать три...

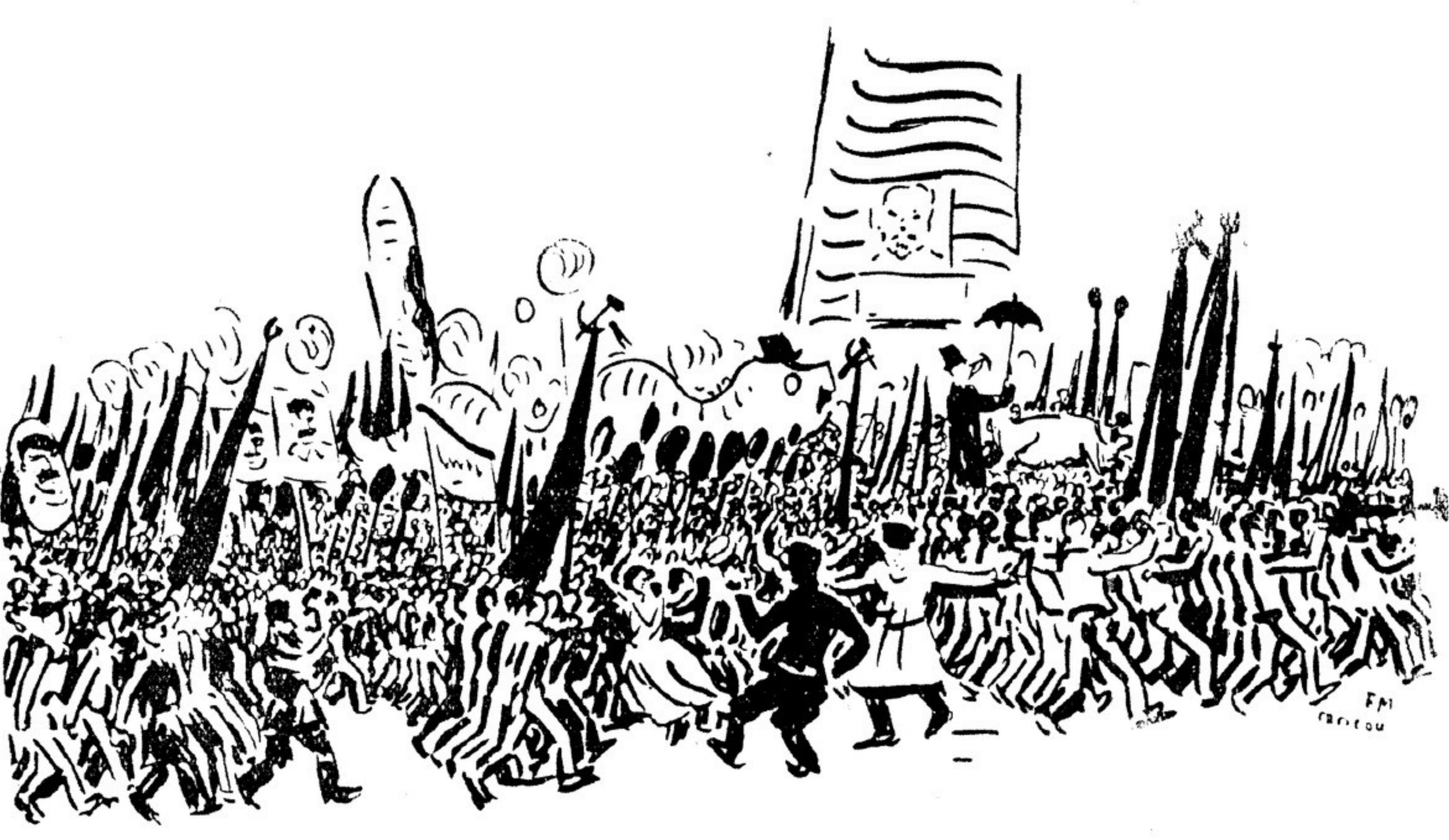
СУЛИН. ...А что, можно у вас продуктов достать? ЖЕНЯ. У нас колбаса медвежачья есть... Хотите? СУЛИН. Молока бы... и овощей...

КОРЮШКО. У Макарова есть корова и огород... Он даст... СУЛИН. Продай нам молока, товарищ!

МАКАРОВ. Угостить могу... а толькой не занимаюсь... (Пошел). КОРЮШКО. Он принесет... всего принесет... не беспокойтесь... Чудесный денек, и вам доложу... Конечно, у нас тут тайга, пустыня... как на острове... вам скучно будет... но паровоз уже заряджен... так что надемся к завтраму вас отпривать...

ЖЕНЯ. А кто с вами едет?.. Не голыш, папа... Вождь? СУЛИН. ...Командир корпуса Особой Дальневосточной армии товарищ Малько... Матвей Ильич...

Рис. Ф. Мазерееля



Первомайская демонстрация в Москве.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

СЛУЧАЙ НА СТАДИОНЕ „ДИНАМО“

Недели три ни облака, ни тучи. Идешь асфальтом — в нем видны следы. Грому задыхлающийся сучьев Но мне протягивают сиверы и сады. Дождит солнце до свирепости какой-то! Жара неистовствует. Всем немноготу. Вода распахнутая рвется из брандспойта И высыхает налету. Иду с трудом. Большой Арбатский рынок Походит на мираж, и все мутней... Спасенья нет нигде. Дивизион пыпинок, Москва завоевав, Разбойничают в ней. Московский день шумлив. Топлятся пешеходы, Троплейбусы пьют, гудят грузовики. Но я не слышу слов о странностях погоды, О встречах, пикниках, о прелестях реки. Брожу по всей Москве, обычным днем живущей. Небесная лазурь до боли голубая! На улицах, в домах, в густой трамвайной гуще Все чаще, все слышней: — В опасности хлеба! Взволнованная речь. Взволнованные лица. Газеты нарастают: поведая, расскажи... Рабочие идут — толпуют о пшенице. Проходит детвора — беседует о ржи. Вот вузовец, краском, вот мастера прилавка. Вот группа шоферов и служащих гурьба. У всех одна мольба, у всех одна заявка: — Совхозные хлеба... — Колхозные хлеба... И встало предо мной за пелену пыли Лицо бывлой Москвы, лицо бывлой Руси. Растаяли на миг асфальт, автомобили, метро, нет парков, нет такси. Безумствует жара. Чуть чешется Зарядье, Чиновники хрюкают, сонит Охотный ряд. Потевшие пни — распережные дяди — И движутся едва и еле говорят. Но слова нет о том, кто на полосе страдной Глядел в слепой тоске на поумертвый хлеб. Им радость за крестьян чужда и непонятна, И боль за них смешна, и страх за них непер.

Милиция, свистки, жара, пылица, смех! За место где-нибудь — все силы без остатка. Попасть на стадион — один порыв у всех. Автобусный поток! Поток автомобилей! Тут едут, тут маут, в там несутся вскачь. «Динамо» — вот предмет желаний и усилий. Товарищи, на матч! Товарищи, на матч! Огромный стадион безумным солнцем запит. Напора не щадя, не видя ничего, Оно бушует, рвет, оно кусает, жапит, Но тысячи людей забыли про него. Вниманье! Левый край обвел полузащиту Отбили... бьют штрафную... Ой, аут! Вновь повел... Голкипер, мяч бери! Вот это знаменито! Короткий взмах... Удар... Пасовая... Первый гол! Болельщики ревут: — Реб! Не подкачайте! Два на два. Никого усталость не берет. Все мысли, все глаза и все сердца — в офсайте Товарищи, вперед! Товарищи, вперед! И вдруг ударил гром, и вздрогнули все разом. Влюбленные глаза от поля отведя, Все глянули наверх. Гигантом огнеглазым Пошла из-за трибун громадина дождя. Чудовищный прибой восторгов, криков, гула Рванулся в мир с трибун, рванулся вмирь и ввысь. Все встали, как один. Их взмыла, их рванула одна и та же мысль, одна и та же мысль. Над пашнями пльва, пльва над ширью улиц. Пришла на стадион громадина дождя, И сотни тысяч рук навстречу ей взметнулись. Платками замаях и шапками крутя. Молчком, исподтишка подкрадывая туча — Давно желанный гость жарой сожженных дней — Вс! небо заняла, и хлынул дождь певучий, Веселый, заливной, все гуще, все сильней... Никто не уходил. Какое сердце в мире Люблю так страну и с силою такой?! Ура! Ура! Ура! Все шире, шире, шире шире. Раскатывался гром овации людской. Гигантская топла, забыв горячку боя, Футбольный мяч, голы, офсайты и судью Венчая славой труд — любимица и героя. Вс! апподировала, стъя, Дождю — товарищу, Дождю, товарищу, дождю, дождю...

НОВАЯ ПЬЕСА О БЕЛОМОРСТРОЕВЦАХ ЛЕНИНГРАДСКИЙ „НОВЫЙ ТЕАТР“

Когда смотришь пьесу Я. Горена «Боте», неизбежно напрашивается сравнение с кельдов показанным на сцене пьесы «Портретом» А. А. Афиногенова. В обеих пьесах показаны беломорстроевцы, преступники различных родов «оружия», которых большевистская воля и система воспитания превращают в людей, в равновравных членов советского общества. В обеих пьесах беломорстроевцы показаны уже прошедшими школу этого перевоспитания. В ходе пьесы происходит проверка Горена — у кого преступность только момент биографии, а кто — закоренелый, неисправимый враг. На этом построены сюжетные коллизии обеих пьес. На этом сюжетное сходство заканчивается. В пьесе А. Афиногенова персонажи действуют в сугубо общественной семейной обстановке. В «Боте» действие происходит в весьма необычных условиях. Пять беломорстроевцев под руководством одного чекиста возвращаются на маленьком боте в лагерь. Мотор испорчен. Жестокая буря несет бот на море неизвестно куда. Их прибивает в конце концов к берегу. Какой это берег — советский или капиталистический? Такова сюжетная канва «Бота».

Нужно сказать прежде всего, что сравнение обеих пьес не в пользу «Портрета», пьесы одного из талантливых наших драматургов, но пьесы неудачливой. Крупнейшими недостатками «Портрета» являются искусственность некоторых ситуаций и бурная мелодраматичность (сцена с убийством Семени). В пьесе Я. Горена сюжет, казалось бы, толкает на путь мелодраматизма. В самом деле. Один чекист, которому противостоит два вора, банкир, проститутка и инженер-вредитель на боте с испорченным мотором. Да к тому же еще чекист заблуждается и принужден передать командование одному из этой «небольшой, но теплой компании». Однако Я. Горен избежал опасности мелодраматизма. И это чувство меры вместе с драматичностью ситуации, напряженностью развертывания действия (особенно во втором и третьем актах) вызывает заслуженное одобрение зрителя и свидетельствует об удаче молодого драматурга.

Идейный уклад пьесы таков. Показан средний работник ГПУ, не из оцень крупных руководителей. Находится он в оцень трудных условиях. И в этих условиях он ни на секунду не перестает держать в своих руках руководство людьми, вчера еще бывшими открытыми врагами большевистского дела. И силой, которой он добивается победы, является сила большевистской стратегии. Как ни громко звучит это слово в применении к этой небольшой кучке людей, это именно большевистская стратегия, переведенная на язык личных отношений между одним чекистом и пятью лагерьниками.

Образ чекиста Симонина не отличается той степенью художественной полноты, которая бы сделала его типичным, в широком смысле, образом большевика. Но он написан автором правдиво и убедительно и вызывает симпатии зрителя.

«Новый театр», поставивший пьесу, — молодой, ленинградский театр. Художественный руководитель его, талантливый реж. Кроппль, поставил «Бот» просто, добросовестно раскрывая замысел автора. Однако театру не удалось «обогатить» пьесу Я. Горена, углубить ее.

Из исполнителей выделяется прекрасной игрой арт. Рубинштейн, дающий красочный образ банкира (Афиногенова), избегающий опасности деповки, на которую очень легко соскочить в трактовке этой роли. Еще более примечателен успех арт. Курзнера, дающего убедительный и правдивый образ чекиста Симонина.

Еф. ДОБИН. Ленинград.

НАШИ ТРЕБОВАНИЯ К КРИТИКЕ

К ПРЕМЬЕРЕ «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТА» В ТЕАТРЕ РЕВОЛЮЦИИ

Конечно, это не принято. Найдутся люди, которые усомнятся в нашей статье...

Выбор пьесы и замысел постановки обусловлены друг другом. Театр проделал большую научно-исследовательскую работу...

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ УКРАИНЫ

В столице советской Украины — в Киеве — состоялся пленум правления Союза советских писателей УССР.

На пленуме присутствовали писатели, литературный молодежь и партийный актив новой столицы.

Слышать общие фразы о «культурно-историческом» значении Шекспира и о познании знакомства с историей Англии и т. д.

Идея спектакля выражена в определенной художественной, образной форме. Трудность нахождения этой формы в работе над Шекспиром огромна.

Пользуясь случаем, — на материале шекспировского спектакля поднять на должную высоту вопрос об исполнении эпизодической роли, аргументируя примерами как положительных, так и отрицательных.

Поставленные вопросы, конечно, отнюдь не исчерпывают собой всего того, что можно говорить о шекспировском спектакле.

Заслуженный деятель искусства Алексей ПОПОВ.

ФРАНС МАЗЕРЕЛЬ В „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ“

Фото В. Бабста.



Франс Мазерель.

3 мая редакцию «Литературной газеты» посетил известный революционный художник Франс Мазерель.

В тесном кругу друзей и сотрудников журнала «Знамя», редакция которого умеет создавать прекрасную производственную обстановку...

Постесна ставит себе задачу глубоко лирического порядка, она не пытается дать конкретный образ Кирова, а дает его, по удачному выражению Д. Мирского, как «предмет чувства».

Хуже, когда Адамо пытается прорваться сквозь лирическую тему к объективному повествованию.

В большой речи председателя Совпаркома Украины т. Любченко говорил о международном значении побед Украины — неслучайно части СССР, о развитии советской украинской культуры и о текущих задачах Союза советских писателей.

Тогда неизмеримо повышается значение «Кирова», поэмы, представляющей по праву лучший образец А. Селивановского, даже теперь, при всех своих недостатках, большое событие в советской поэзии.



«Чапая» (скульптура). Выставка детского творчества в ЦДХВД им. Бубнова.

жидународного бюро революционных художников тт. Алфред Лурис, Кейль, Ван-дер-Фер, Бергард, Гуров и др.

В беседе коснулся несприятельского, чисто дружеского характера. Наши художники просили рассказать гостя: о его первомайских впечатлениях в Советском Союзе...

Затем Мазерель задает вопросы. Его интересует материальное положение наших художников, особенно молодежи: об этом его будут в первую очередь спрашивать в Париже.

На вопрос, какими качествами должен обладать революционный художник, Мазерель отвечает: он должен быть честным в своем искусстве и большим мастером живописи.

Писатель явно клеветал на себя. В этом имели возможность убедиться все, присутствовавшие 26 апреля в ДСП на встрече его с коллективом редакции «Два пятителки».

Это был блестящий, почти двухчасовой рассказ, прослушанный с огромным интересом и вниманием.

Без того, что заимствовано в том, что выдумано Бабель, при этом этот материал, чем во многих случаях, отчетливо аналогичен роли, ставится в обычной романтической драме.

Конкретное содержание этой формулы особенно начинается постигать, когда слушаешь рассказ Бабеля о жизни и деятельности Наумкина, о значении которого неразрывно связана вся послеоктябрьская история Кабардино-Балкарии.

Факты, приведенные писателем, свидетельствуют об этом лучше всяких доводов. Они внушают уверенность в то, что даже среди потраченных материалов, которыми так богаты будут книги «Два пятителки», страница, посвященная послеоктябрьской истории Кабардино-Балкарской области, будут выделяться своей силой, богатством своих красок, своим поучительным содержанием.

Поручкой тому в значительной степени и то обстоятельство, что страницы эти будут написаны Бабелем, великолепным мастером, одним из первых отозвавшихся на призыв Горького о создании монументального литературного памятника эпохи первых пятилеток.

НОВАЯ СЕРИЯ ДЕТГИЗА

Тов. Н. А. Семашин сообщил на нашем собрании о предпринятом Детгизом издании новой серии книг для детей среднего и старшего возраста.

В серию входят образцы классической литературы путешествий и ряд книг современных писателей об изучении природы, развитии науки и техники и изучении нашей страны.

М. Паустовский пишет большую новую книгу (объемом в 30 п. л.), которая, по замыслу писателя, должна явиться своего рода художественной энциклопедией Черного моря и его берегов.

В серию войдет книга М. Ашурова «Большой Арктик», рекомендованная М. Горьким. Это — книга тунгусского писателя о тунгусах, об охоте, о жизни в тайге.

Д. Лухманов «Солёный ветер». Повесть моряка о старом парусном флоте, путешествиях и приключениях в разных странах.

Вторая часть серии посвящена истории путешествий. Перезаключается книга А. Яковлева — «Жизнь и приключения Р. Амундсона».

В серию входят также: «Дети капитана Гранта» и «80 тысяч миль под водой» Ж. Верна.

ПУШКИНСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Московский Художественный академический театр СССР им. Горького приступил к осуществлению пушкинского спектакля, приуроченного к столетию со дня смерти поэта.

В беседе о нашем сотрудничестве Л. М. Леонидов сказал: — Советский театр не знал еще такого ответственного театрального сезона, каким будет сезон 1937 года.

Пушкинский спектакль будет состоять из маленьких трагедий: «Скупой рыцарь», «Наемный гость», «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери».

Особую ценность представляют работы к спектаклю. Его исполнителям будут прочитаны лекции на темы: «Поэтика Пушкина», «Социология его творчества», «Пушкин и современность».

Огромная работа предстоит театру — говорит Л. М. Леонидов, — по освоению пушкинского спектакля, по овладению его словом, его стилем.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА ССП

Президиум ССП считает необходимым решительно осудить имеющиеся в практике отдельных редакций газет и журналов приемы послешкольного и хитрого заимствования.

25 апреля в ДСП состоялся творческий вечер молодого поэта Л. Данигача. Председательствовал на вечере А. Безмясников.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР Л. ДАНИГАЧА

25 апреля в ДСП состоялся творческий вечер молодого поэта Л. Данигача. Председательствовал на вечере А. Безмясников.

ПРЕМИЯ ЗА ЛУЧШЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ В НАРВНОМ ЖУРНАЛЕ

Издательство «Советский писатель» объявляет премию за лучшее художественное произведение, которое будет напечатано в 1937 году в нарвном журнале.

Журналу, напечатавшему лучшее произведение — 2.000 р.

Авторам лучшего произведения в стихах: 1) 1.000 р. 2) 500 р.

ИЗВЕЩЕНИЯ

Национальный сектор ССП СССР совместно с Гослитиздатом организует 10 мая в Доме советского писателя (ул. Воробьевского, 50) большой вечер армянской поэзии.

Члены союза советских писателей московской организации с 7 по 12 мая должны получить членские билеты Союза писателей по адресу: ул. Воробьевского, 52, ком. 16 у т. Поповой.

НАПРАВЛЕНИЯ

На диспансеризацию писатели могут получать в лечебной части Литфонда СССР (комната 12)

Диспансеризация производится Поликлиникой I ММИ и состоит из анализа, рентгена, подробного обследования специалистами и профессорами.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ И ГАЗЕТНЫХ УЗЛОВ

В связи с увеличением объема «Литературной газеты» с 4-х полос до 6-ти по 6 апреля устанавливаются новые подписные цены: год — 21 р., 6 мес. — 10 р., 3 мес. — 5 р., 40 к.

ВНИМАНИЮ ПИСАТЕЛЕЙ-ДРАМАТУРГОВ

В связи с проверкой работы Драматической и Управлений по охране авторских прав Революционная комиссия ССП СССР приглашает писателей-драматургов на специальное совещание.

Совещание заслушает доклад Управления по охране авторских прав (докл. тов. Танин).

Работу намечено без опоздания.

РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ ССП

Отвественный редактор А. А. БОЛОТНИКОВ.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 6-34-69.



5 12 мая

Лекционный бюро

5 мая Издательство «Трагедия» И. И. МАКИМОВИЧ «Камерный театр» Зина Дюма уличных лиц. Кропоткинская, 10. Нач. в 8 ч. веч.

Творческая секция Группы театра культуры

6 мая Куклы в кино. Впервые вела арт. А. Л. ПУШИН. Прометей. Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

Кабинет ИТО по театрам.

7 мая Доклад Л. В. ВАРНАХОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

Кабинет ИТО по театрам.

8 мая Кабинет ИТО по линии производственной культуры

9 мая Кабинет ИТО по линии производственной культуры

10 мая Кабинет ИТО по линии производственной культуры

11 мая Кабинет ИТО по линии производственной культуры

12 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

Объединение ассистентов оперной и музыкальной секции

13 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

14 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

15 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

16 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

17 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

18 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

19 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

20 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

21 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

22 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

23 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

24 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

25 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

26 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

27 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

28 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

29 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

30 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

31 мая Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

1 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

2 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

3 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

4 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

5 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

6 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

7 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

8 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

9 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

10 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

11 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

12 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

13 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.

14 июня Доклад проф. С. М. ЧЕРМОНОВА «Моя работа в театре» Театр при ас. ул. 10. А. Зиндкович (Б. Головин в 20). Нач. в 4 ч. дня.